

П.Ю. РАХШИР

БРИТАНСКИЕ ТОРИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ УГАСАНИЕ?

Британский консерватизм при всем его своеобразии, тем не менее, воспринимается как идеально-типический вариант явления в целом. Во многих отношениях британские торы служили эталоном для консерваторов других стран. Не удивительно, что эволюция, переживаемая британской консервативной партией, вызывает большой интерес у историков, политологов, социологов и аналитиков из журналистского цеха. С этой проблематикой связаны вопросы о судьбах консерватизма не только в Британии, но и на Западе вообще. Остроту ей, конечно, придает то обстоятельство, что партия торы после майских выборов 2010 г. вступила в новый этап эволюции, таящий много неизведанного для неё и для страны.

Среди публикаций, появившихся в Британии накануне выборов, можно выделить три книги¹, в которых наиболее рельефно отражается путь, пройденный британскими консерваторами после ухода М. Тэтчер, их столкновение с современностью и попытки дать ответ на ее вызовы. В центре внимания авторов, естественно, кэмероновская модернизация консервативной партии. При этом промодернизаторский взгляд сталкивается с антимодернизаторским, высокая оценка Кэмерона с его неприятием, строгий академический подход с журналистской раскованностью.

Наиболее обстоятельный труд написан академическим ученым Т. Бейлом, который преподавал историю в Кембридже, а теперь преподает политические науки в университете Суссекса. П. Сноудон и П. Хитченс известные политические журналисты, активно занимающиеся современной политической историей Великобритании, на счету которых не только множество статей, но и книги.

Свое исследование Бейл начинает с момента свержения М. Тэтчер. Он не разделяет версию о том, что “железная леди” пала жертвой заговора парламентариев, прежде всего еврофилов, которые были против ее жесткого курса по отношению к ЕС. От нее устали избиратели, она утратила былую популярность, “соприкосновение с обычными людьми” (р. 25). Действия ее консервативных оппонентов, на взгляд Бейла, диктовались вполне рациональными соображениями. Их устраивал тэтчеризм в несколько смягченном виде. Убедительные победы на выборах, успехи в экономике создавали у них представление, что доминирование консервативной партии будет продолжаться и без Тэтчер.

Уже к выборам 1997 г. консерваторы оказались в состоянии “институционального и интеллектуального замешательства”. Тем не менее, и после сокрушительного поражения их не покидало самодовольство и нарциссизм. Руководство партии сохраняло уверенность в том, что избиратели, разочаровались в лейбористах, скоро вернуться к торы с их репутацией традиционной правящей партии.

Рахимир Павел Юхимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новая и новейшая история Пермского государственного университета.

¹ *Bale T.* The Conservative Party from Thatcher to Cameron. London: Polity, 2010, 446 p.; *Hitchens P.* The Cameron. Delusion. London: Continuum, 2010, 236 p.; *Snowdon P.* Back from the Brink. The Inside Story of Tory Resurrection. London: Harper Press, 2010, 419 p.

За катастрофой 1997 г. последовали еще два унижительных провала в 2001 и 2005 гг. Будучи не в состоянии противопоставить Тони Блэру нечто основательное, консерваторы тасовали колоду лидеров. При этом был решительно отброшен в сторону М. Портилло с его серьезными планами либерализации консерватизма. Ставший лидером в 1997 г. У. Хейг в конце концов попытался сыграть на правом популизме. Этим в значительной мере объясняется и проведенная им институциональная реформа, включавшая в процесс избрания лидера партии и всю членскую массу (правда, изрядно поредевшую). Ее плодами воспользовался в 2001 г. сравнительно малоизвестный политик И. Данкан Смит, который не дотянул даже до выборов 2005 г. Ему на смену пришел опытный политический деятель М. Говард. Хотя он и понимал необходимость модернизации, но сам реформатором не был. На него пала ответственность за поражение 2005 г.

Однако именно Говард создал стартовые условия для модернизации, открыв путь наверх молодым консерваторам нового поколения, прежде всего Д. Кэмерону и Дж. Осборну. После поражения на выборах Говард не спешил с отставкой, что позволило Кэмерону выиграть время и провести эффективную кампанию в борьбе за лидерство. В результате он смог одолеть такого политического тяжеловеса, как Д. Дейвис.

Новый лидер консерваторов отдавал себе отчет в трудности стоявших перед ним задач. Напрашивалась аналогия с Т. Блэром, который перевел лейбористскую партию на рельсы “нового лейборизма”. Но тому ради модернизации партии пришлось пойти на разрыв с исторической традицией. Он развязал себе руки, похоронив 4-й пункт Устава партии, принятого еще в 1918 г. и предполагавшего возможность обобществления средств производства. Безусловно, это был главным образом символический акт, тем не менее, весьма эффективный.

Что касается Кэмерона, то он, как и подобает консерватору, предпочел иной, не столь радикальный путь. Тем более что он не мог идти на риск разрыва с тори-традиционалистами. Его стратегия заключалась в том, чтобы, не отрекаясь от наследия Тэтчер, придать партии более умеренный, центристский характер, привлечь к ней отвернувшихся от тори избирателей из среднего класса и даже вторгнуться на электоральное поле лейбористов. С внутрипартийной точки зрения кэмероновская стратегия носила интеграционистский характер. Как пишет Бейл, Кэмерон стремился сплотить различные элементы партии под “большим зонтом” (с. 382).

Тактику реализации интеграционистской стратегии Бейл раскрывает с помощью таких понятий, как “калибровка” и “балансирование”. Смысл первого из них связан со способностью Кэмерона “перемещаться назад и вперед между традиционным и инновационным”, поэтому в отличие от своих предшественников, лидеров-неудачников, он не столько колебался то вправо, то влево, сколько “постоянно занимался калибровкой” (с. 323). Суть “балансирования” сводилась к тому, чтобы продвигаться к центру, не теряя связи с флангами. Критикам слева, которые полагали, что ему не следует говорить о Европе, преступности и низких налогах, и критикам справа, считавшим, что он не должен говорить о Национальной службе здравоохранения (НСЗ), окружающей среде, благосостоянии, и тем самым, ставили его перед неверным выбором, Кэмерон отвечал: “Я его не сделаю” (с. 349).

Кэмерон проявил незаурядное искусство политической эквилибристики. Успокаивая правое крыло, он, тем не менее, внес серьезные коррективы в теорию и практику партии. Так, тори начали стремительно “зеленеть”. Сменился и логотип партии. Вместо факела свободы времен Тэтчер появился дуб с зеленой листвой, символизирующий сочетание традиций с обновлением и дружественное отношение к окружающей среде. Но гораздо важнее было то, что консерваторы посягнули на заповедную сферу лейбористов: общественные службы и прежде всего НСЗ. Ее Кэмерон назвал “одним из величайших достижений XX в.” (с. 316). Более того, он даже выступал в роли ее спасителя от урезаний, которые планировал лейбористский премьер-министр Г. Браун. Вопреки настроениям довольно значительной части собственной партии Кэмерон поддержал лейбористский курс на демократизацию образования за счет сокращения “грамматиче-

ских школ”. Толерантнее стало отношение к этническим и сексуальным меньшинствам. Расширилось участие женщин в высших эшелонах партии.

Хотя Кэмерон скептически высказывался насчет “измов”, тем не менее идеологическому фактору он уделял немалое внимание. В связи с курсом на обновление диапазон его исканий был весьма широк. На наш взгляд, этот аспект деятельности лидера-модернизатора Бейл мог бы раскрыть основательнее, тем более что многочисленные выступления словоохотливого Кэмерона создали для этого богатую почву.

Из сферы внимания Бейла (впрочем, как и других авторов, о которых еще пойдет речь) выпал флирт Кэмерона с идеологом “красного торизма” Ф. Блондом. Контакт с ним побудил лидера консерваторов использовать применительно к консерватизму наряду с такими прилагательными, как “либеральный” и “сострадательный”, еще одно – “прогрессивный”. Однако “красный торизм” оказался для Кэмерона слишком радикален, причем в левом смысле. Все же Кэмерон был не столь всеядным, чтобы зайти сколько-нибудь далеко в направлении “красного торизма” и накануне выборов 2010 г. даже подвергся со стороны Блонда критике за колебание вправо.

Бейл показывает, как непросто было Кэмерону и его команде проводить модернизаторский курс. Естественно, наибольшие трудности возникали на правом фланге партии. Красноречивым свидетельством могут служить рассуждения о Кэмероне одного из ближайших соратников Тэтчер Н. Теббита в форме риторических вопросов: “Разбавленный новый лейборист, торийский волк в либерально-демократической овечьей шкуре или, наоборот, либерально-демократическая овца в шкуре торийского волка?” – вопрошал Теббит. “Или, – идет еще дальше убежденный тэтчерист, – он председатель партии Мао или Пол Пот, намеренный выжечь даже память о тэтчеризме, чтобы построить новую модернистскую сострадательную, зеленую глобалистскую партию где-то слева от центра” (с. 294). Конечно, это был явный перехлест, но и с этим Кэмерону приходилось считаться.

Главным аргументом в пользу нового лидера служили данные опросов общественного мнения, результаты локальных выборов, прежде всего “завоевание Лондона”, мэром которого стал член кэмероновской команды Б. Джонсон. У консерваторов появилась реальная перспектива вернуться к власти, что явилось важнейшим фактором интеграции партии. Даже твердокаменные тори готовы были поступиться традиционными принципами и предрассудками ради возвращения на Даунинг-стрит, 10.

В отличие от Т. Блэра Кэмерону не пришлось “перестраивать” партию, лидер тори “лишь изменил ее стиль” (с. 21). Таков ключевой вывод Бейла. Модернизация консервативной партии носила скорее имиджевый характер, нежели глубокий. Но это отнюдь не умаляет политического искусства Кэмерона и его команды, поскольку они были нацелены как раз на такой результат.

Подводя итоги, Бейл не исключает, что умерившие свой пыл твердые тори могут снова поднять свой флаг и выступить против изменившейся позиции партии, особенно по отношению к этническим и сексуальным меньшинствам, абортам и т.п. Они могут создать серьезные проблемы для Кэмерона и его единомышленников. Однако такой перевод часов назад, по мнению Бейла, может вызвать негативную реакцию либеральных средних классов, чьи голоса имеют критическое значение. Они не столь поляризованы как американцы, не видят мир только в белых и черных тонах. “Думать иначе, – считает Бейл, – было бы для любой торийской администрации электоральным самоубийством” (с. 391).

Осторожным оптимизмом насчет будущего партии тори проникнута книга П. Сноудона “От края”. Это находит отражение в ее подзаголовке: “Инсайдерская история возрождения тори”. Как видно из подзаголовка, она написана автором, находившимся внутри объекта исследования, посвященным в такие его тонкости и хитросплетения, которые часто не доступны стороннему исследователю. У Сноудона читатель находит не столько историю посттэтчеристской консервативной партии, сколько историю Д. Кэмерона и его команды реформаторов: ее становления, завоевания лидерства и модернизации партии.

В центре внимания Сноудона люди, поэтому основным источником книги является множество интервью с различными представителями консервативной партии – от сменявших друг друга после ухода Тэтчер лидеров до рядовых консерваторов из глубинки. Концентрация на человеческом факторе политической борьбы помогает автору рельефнее раскрыть ее коллизии, достигавшие порой подлинно драматической остроты.

Поскольку предмет исследования – процесс модернизации консервативной партии, то все остальные аспекты ее истории рассматриваются под этим углом зрения. К тому же сам автор симпатизирует исследуемому процессу. Характерно, что период лидерства У. Хейга он называет “Заблудшие в пустыне”, а И.Д. Смита – “Глядя в пропасть”. Как признавал У. Хейг, тори не смогли найти ответа на “новый лейборизм” Т. Блэра (с. 35). Претендовавший на пост лидера сторонник модернизации М. Портилло был отвергнут и парламентариями и рядовыми членами партии, как и умеренный еврофил К. Кларк. И.Д. Смит был избран главным образом за то, что он “не был ни Майклом Портилло, ни Кеном Кларком” (с. 121).

“Всякое позитивное мышление, – отмечает Сноудон, – ограничивалось узким кругом молодых консервативных активистов двадцати или тридцати с небольшим лет. В отличие от многих членов партии своего поколения они не стремились вернуться к временам Тэтчер, а чувствовали, что партия полностью потеряла соприкосновение с современной Британией” (с. 101).

Наиболее колоритными фигурами этого круга были Д. Кэмерон, Дж. Осборн, С. Хилтон. Их сближали общие интересы не только в политике, но и в жизни вообще. К ним присоединился и О. Летвин, который был несколько старше их и занимал в теневом кабинете первостепенный пост министра финансов. Разумеется, у Сноудона состав модернизаторов не исчерпывается этими именами, но в центре внимания Д. Кэмерон и Дж. Осборн.

На молодых консервативных интеллектуалов сильнейшее впечатление произвел Т. Блэр с его “новым лейборизмом”, трансформировавшим партию. Насколько высоко они оценивали харизматичного и креативного лидера лейбористов, свидетельствуют приводимые Сноудоном слова Осборна: “Простая реальность такова, что консервативная партия не возродится, пока Тони Блэр будет оставаться премьер-министром” (с. 104). Примером Блэра вдохновлялся и Летвин. Что же касается Кэмерона, то даже в напряженные дни борьбы за лидерство в своей партии он, прекрасно понимая, какую реакцию вызовут его слова у правых тори, назвал себя “наследником Блэра” (с. 200).

В схватке за пост лидера партии тори у молодых консерваторов имелись весомые козыри. Они великолепно владели современными политическими технологиями, их поддерживали могущественные СМИ. Немаловажную роль сыграло ораторское искусство самого Кэмерона, особенно во время решающей партконференции в декабре 2005 г. Успеху молодых консерваторов поспособствовал и М. Говард. Характерно, что Сноудон называет их “говардовскими младотурками”.

Тем не менее, после избрания Кэмерон действует довольно осторожно, порой сдерживая модернизаторский пыл Осборна. Прежде всего, это проявляется в его отношении к проигравшим тори. “Он, – приводит Сноудон слова одного из помощников Кэмерона, – чувствовал, что первое поколение модернизаторов, таких как Портилло, не добились успеха, потому что испытывало настоящее презрение к старой партии” (с. 229). Сам же Кэмерон, избрав курс на либерализацию партии, старался не обострять отношения с правыми тори.

При всем уважении к Блэру Кэмерон стремился избежать конфронтационной ситуации в стиле отказа от 4 пункта. Правда, весьма смягченным аналогом подобного подхода Сноуден считает отказ Осборна от обещания проводить необоснованные урезания налогов (с. 240). То же самое он усматривает и в позиции Кэмерона относительно государственных служб и прежде всего НСЗ. Сноуден приводит слова самого Кэмерона: “Тони Блэр однажды определил свой приоритет тремя словами: образование, образование, образование. Я могу это сделать тремя буквами НСЗ” (с. 241).

В своей речи 18 июня 2007 г. Кэмерон притязал на то, что “тори стали в Британии истинной силой прогрессивной политики” (с. 257). Они извлекли опыт из ошибок “нового лейборизма”, а не копируют его. Добиваться прогрессивных целей консервативными методами – такая формула должна выражать суть модернистской политики команды Кэмерона (с. 291). Ему удалось буквально вытащить партию, оказавшуюся в состоянии, близком к маргинальному, на авансцену британской политики. У нее появились серьезные шансы на выигрыш всеобщих выборов.

Все же, несмотря на успехи модернизаторов, на правом фланге партии оставались недовольные тори, считавшие, что ее новый курс слишком напоминает “новый лейборизм”. Но Кэмерон и его команда готовы добиваться победы на выборах при том, что в партии есть те, “кто выглядит скорее попутчиками, чем энтузиастами” (с. 386). Сам же Кэмерон, по словам Сноудона, “олицетворяет перспективы изменившейся консервативной партии, которые он надеется предложить на выборах”. Но подобно Блэру, подчеркивает Сноудон, “Дэвид Кэмерон только тогда сможет доказать, что его партия действительно изменилась, когда он окажется в офисе” (с. 390). “Если четыре с половиной года были испытанием для консервативной партии Кэмерона, то следующие немногие будут значительно тяжелее независимо от того, выиграет ли партия или же проиграет” (с. 390), – этими словами завершается книга.

Возможность успеха кэмероновского консерватизма решительно отвергает П. Хитченс, автор достаточно известный, особенно в медийных кругах. Он побывал корреспондентом в СССР и США, в его послужном списке работа в Китае, Ираке, КНДР, Бирме, Конго. Правда, он расстался с британским журналистским цехом и теперь отзывается о нем не только жестко, но и презрительно. Все же в момент появления книги, о которой пойдет речь, Хитченс был колумнистом “Мейл он санди”. За его плечами троцкистское прошлое, которое он, по всей видимости, заглаживает радикальным консерватизмом.

Название его книги говорит само за себя “Иллюзия – Кэмерон”. Ее цель – разрушить представление о том, будто деятельность Д. Кэмерона привела к оживлению тори (с. 24). Ключевым концептуальным элементом интерпретации Хитченса является то, что он назвал “великим парадоксом”: “Главный враг британского консерватизма – консервативная партия” (с. XXIII). Тем самым он разводит консерватизм как таковой и консервативную партию.

По Хитченсу, значительная часть истории партии тори – это отход от принципов консерватизма, начавшийся еще до 1914 г. Ферментом разложения стала фабианская социал-демократия, которая “успешно внедрилась в идеи всех трех больших партий” (лейбористской, либеральной и консервативной. – *П.Р.*). Обычно консенсусную политику консервативной партии связывают с “батскелизмом”, оформившимся в 1950-х годах. Но Хитченс утверждает, что еще в 1930-х годах правительства С. Болдуина и Н. Чемберлена взялись за большие проекты социал-демократического характера. Автор разделяет точку зрения историка П. Аддисона, в соответствии с которой довоенные британские консерваторы были чемпионами социальной политики, а «шведские социал-демократы, лейбористская партия Новой Зеландии и даже демократы – поборники рузвельтовского “нового курса” старались осуществить многие из улучшений, которые британские консерваторы считали чем-то само собой разумеющимся» (с. 34). Одним из главных признаков социал-демократического перерождения консерваторов Хитченс считает НСЗ. О консервативном премьер-министре Г. Макмиллане, говорится, что он управлял так, “как будто он был лейбористским премьером” (с. 39).

В эту консенсусную схему вписываются Э. Хит и даже в известной мере М. Тэтчер. “Некоторые декларации правительства Эдварда Хита, сделанные в начале его существования, и многие акции правительства Маргарет Тэтчер казались вызовом социальному договору 1945 г.”, – пишет Хитченс (с. 35–36). Но этим вызовам недоставало субстанции. При Хите Британия вступила в Общий рынок. Что же касается Тэтчер, “то ее риторика, как и у Хита, была сильнее ее действий”. Более того, правительство Тэтчер, полагает Хитченс, “в значительной мере оставалось социал-демократическим и макмиллановским” (с. 36).

Между тем в полемическом запале по поводу политики Кэмерона Хитченс, по сути дела, признает, что Тэтчер не укладывается в его схему. “Принятие Кэмероном блэровского наследия, – по словам Хитченса, – было скрытым извинением за отчасти успешную попытку Маргарет Тэтчер повернуть вспять революцию 1945 г.” (с. 32). Миссия же Блэра, вероятно, и не осознаваемая им самим, заключалась в том, чтобы “тори, даже вернувшись к власти, были блокированы блэризмом так же, как лейбористы тэтчеризмом” (с. 17–18). Реализации миссии Блэра способствует лидерство Кэмерона: “факел нового лейборизма через голову Брауна переходит к Кэмерону. Электорату предлагается возможность изменить облик правительства, не изменяя его природы”. Поскольку консерваторы трижды проигрывали выборы с политическим курсом “правого крыла”, теперь “они могут победить под знаменем социального либерализма и высоких государственных расходов” (с. 47).

В возвышении Кэмерона Хитченс усматривает не столько результат, обусловленный имманентной эволюцией партии тори, сколько следствие некоего проекта, продолжающего миссию Блэра. Аргументом в пользу такой трактовки служит позиция влиятельных британских СМИ, в первую очередь Би-Би-Си. Если докэмероновскую партию эта корпорация судила жестко, то после избрания Кэмерона её тональность резко изменилась. О самом новом лидере стали говорить уважительно, партию называть “модернизирующей, а ее членов именовать консерваторами, а не тори” (с. 22). Суть “проекта Кэмерон” в том, чтобы осуществить “деконсервативизацию” партии тори, маргинализацию ее правого крыла (с. 45). Консервативной партии был бы дан шанс прийти к власти только для того, чтобы она “продолжала править подобно Энтони Блэру и Гордону Брауну” (с. 31).

Кэмероновская консервативная партия, убежден Хитченс, действительно, представляла бы собой наилучшую линию обороны против консерваторов – неконформистов, преследующих такие цели, как национальная независимость, социальный консерватизм и занимающих жесткую позицию по отношению к иммиграции. Чтобы помешать подобному проекту, “необходим коллапс тори и замена их подлинно консервативной партией” (с. 40). Без таковой, подчеркивает Хитченс, серьезной силой способна стать крайне правая популистская Британская национальная партия (БНП). Тем не менее, Хитченс предостерегает от чрезмерно широкого, на его взгляд, использования таких определений, как “крайне правый”, “ксенофобский”, “националистический”, так как они распространяются “на всех, кто вне консенсуса” (с. 41).

“На всеобщих выборах 2010 г., – сетует Хитченс, – у консервативных англичан нет надежды получить то правительство, какое им хотелось. Все три большие партии придерживаются тех же самых леволиберальных позиций. Малые партии либо слабы, либо имеют дурную репутацию”. Желательным для Хитченса исходом стало бы четвертое подряд поражение тори, что позволило бы избавиться от “бесчестного, бессодержательного лидерства Кэмерона” (с. XXXV). И тем самым было бы положено начало “краху и расколу этой дискредитированной партии и возникла бы возможность построить на ее месте новую партию, которая смогла бы через короткое время вышвырнуть за борт новый лейборизм и, наконец, взяться за долгосрочную трудную задачу национальной реконструкции” (с. XXXV).

Но Хитченс склонен переоценивать электоральные возможности правого консерватизма, часто ассоциируемого с торизмом. Это связано и с тем, что в его истолковании “проект Кэмерон” отдает конспирологическим привкусом и выглядит чем-то искусственным, едва ли не навязанным извне. Между тем Бейл и Сноудон рассматривают модернизацию консервативной партии под руководством Кэмерона и его команды как органичный результат адаптации к современности через пробы и ошибки, лидерскую чехарду.

Однако внешние факторы нельзя исключать. При всем евроскептицизме британских консерваторов и самого Кэмерона интеграционные тенденции, подстегиваемые к тому же глобализацией, дают о себе знать и на островах. В Западной Европе в консенсусном плавильном тигле социал-демократы, либералы и консерваторы в немалой мере растеряли свою оригинальную политическую идентичность, причем консерваторы прежде

всего за счет своего правого крыла. Британские тори смогли продержаться дольше благодаря Тэтчер. При этом сам тэтчеризм был скорее отклонением от основной линии эволюции. Можно согласиться с бывшим советником “железной леди”, покойным уже А. Шерманом, который в своей книге “Парадоксы власти” выразил главную мысль в подзаголовке: “Размышления о тэтчеровской интерлюдии”. “Усилия Тэтчер тэтчеризировать консервативную партию, – подчеркивал Шерман, – никогда не имели шансов на успех. Она оставалась чужеродным телом”². Консервативные парламентарии ценили Тэтчер за то, что она обеспечивала им места в Вестминстере, но “опасались ее склонности к риску и воинственности”³.

У нее не осталось настоящих наследников. За годы безуспешной оппозиции те консерваторы, которые ассоциировались с тэтчеризмом, утратили престиж и влияние. Ради возвращения и власти им пришлось в той или иной мере примириться с курсом на модернизацию. Британия идейно-политически еще больше приблизилась к Западной Европе. Все более стираются различия между британскими и западноевропейскими консерваторами. С этой точки зрения характерны суждения германского аналитика П. Шварца на страницах либерального еженедельника “Цайт”. Кэмерон назван им “собратом по духу Меркель”, а что касается британских тори, то они – “не что иное как подобие ХДС”⁴.

Коалиция кэмероновских консерваторов с либерал-демократами оказалась весьма органичной. Так американский консервативный журналист британского происхождения Дж.О’ Салливан, анализируя первые 100 дней коалиционного правительства Кэмерона, даже предположил возможность создания “новой центристской партии, что будет облегчено отпадением либо левого крыла либерал-демократов, либо правого крыла тори, либо, более возможно, и того и другого”⁵. Американские консерваторы традиционалистского толка из журнала “Нэшнл ревью” уже посоветовали правым тори “учредить внутри партии кокус торийских парламентариев, чтобы защищать долгосрочные интересы и традиционный консерватизм”⁶.

Благодаря коалиции британские консерваторы стали еще ближе к западноевропейскому варианту консерватизма, характерной чертой которого является слабость его правого крыла. В то же время даже в таких цитаделях европейской демократии, как Швейцария, Голландия, Скандинавские страны, серьезный политический вес набрали праворадикальные популистские партии, занявшие практически всю нишу на правом фланге партийно-политического спектра. От такого же хода событий в Британии вполне обоснованно предостерегает П. Хитченс. Между тем при Тэтчер у крайне правых националистов и популистов не было таких шансов.

В политике, как известно, практикуются либеральные и консервативные методы в тех или иных сочетаниях. Но в консенсусных рамках явно доминирует либеральный подход, который не всегда эффективен для ответа на острейшие вызовы современности: ослабление национального суверенитета, массовую иммиграцию, мультикультурализм, международный терроризм. В условиях маргинализации правых консерваторов, готовых использовать “жесткую силу”, когда предпочитаемая либералами “мягкая сила” не срабатывает, открываются самые благоприятные возможности для экстремистов, спекулирующих на массовых эмоциях.

Отвечая в заключение на поставленный в заглавии вопрос, необходимо иметь в виду, что понятие “торизм” имеет широкое и узкое толкования. Под ним подразумевается и британский консерватизм как таковой и его правое традиционалистское крыло. В первом своем значении торизм, бесспорно, оживился благодаря приходу к власти, пусть даже далеко не триумфальному. Для торизма же в узком смысле слова ситуация после тэтчеровской интермедии продолжает ухудшаться.

² *Sherman A. Paradoxes of Power. Exeter, 2005, p 154.*

³ *Ibid, p.128.*

⁴ *Die Zeit, 2010, № 11.*

⁵ *O’Sullivan J. Prime Minister Cameron at 1000 Days. – National Review, 30.VIII.2010, p. 22.*

⁶ *Ibidem.*